

Чэнь Чжэнь. Мужчина, китаец, уроженец Лунцзяна.

Его родители были профессорами — редчайшее явление для прошлого века. Мальчик с ранних лет рос под влиянием интеллектуальной семейной среды, а сразу после выпуска из университета получил рекомендацию в один из ведущих вузов США.

Благодаря выдающимся успехам на научном поприще он ещё до тридцати лет успел получить две престижные учёные степени за границей и опубликовать немало серьёзных исследовательских работ.

Во второй половине года Чэнь Чжэнь должен был вернуться на родину: его пригласила к сотрудничеству одна из отечественных биотехнологических корпораций. Ближайшие несколько месяцев он планировал провести в Лунцзяне — немного отдохнуть и уладить рабочие формальности.

Поговаривали, что этот благообразный господин уже много лет одинок, а его личная жизнь безупречно чиста и даже консервативна. Словом, редкий образец порядочного домашнего мужчины, который искренне дорожит своей репутацией.

Подобные сведения можно было почерпнуть из его официального резюме. Именно такой образ Чэнь Чжэня запечатлелся в памяти Рэйчел Чжан, личного секретаря, прекрасно знавшей, к кому её босс уже долгие годы питает нежные чувства.

Впрочем, сам Фу Байлун почти никогда не заговаривал о своём «давнем друге» в присутствии посторонних. И это неудивительно, учитывая его несносный, гордый и до крайности скрытный нрав. Такие люди, как он, всё держат в себе. Чем сильнее Байлун дорожил человеком, тем ретивее оберегал его от чужих глаз, прятал и ревновал, отчаянно боясь потерять и одновременно силясь показать себя перед ним с наилучшей стороны.

Подобная верность, граничащая с упрямой одержимостью, может показаться странной, но в ней не было ничего дурного. В конце концов, в наше время люди, способные больше десяти лет молча и преданно любить кого-то, довольствуясь лишь ролью близкого друга, встречаются не чаще, чем перья феникса.

И пускай Фу Байлун за эти годы не то чтобы хранил целомудрие монаха-отшельника, Чэнь Чжэнь оставался для него единственным и самым важным человеком на свете. Рэйчел прекрасно это знала: босс помнил наизусть абсолютно все даты, так или иначе связанные с объектом его обожания. Очередная публикация в научном журнале, престижная премия, выступление на международном симпозиуме — как бы ни был занят Фу Байлун, он никогда ничего не упускал из виду. Он умудрялся лично выбирать и отправлять подарки за океан, несмотря на разделявшие их тысячи километров.

Для любого обычного человека подобное многолетнее безответное чувство стало бы невыносимым психологическим грузом. Они балансировали на тонкой грани: уже не просто приятели, но ещё и не любовники. Фу Байлун дышать не мог без Чэнь Чжэня, но так и не

решился сделать первый шаг и признаться во всём открыто. За долгие десять лет изменилось многое, но их дружба оставалась нерушимой константой.

Будучи женщиной чуткой и проницательной, Рэйчел Чжан часто замечала, как её суровый, властный босс превращается в совершенно другого человека, стоит разговору зайти о его ненаглядном друге. И вот живое тому подтверждение:

— Тебе не кажется, что цвет моей рубашки выглядит как-то нелепо?

— Что?

На часах было ровно одиннадцать тридцать одна. На оживлённой парковке у терминала T2 аэропорта Лунцзян стоял представительский чёрный лимузин. Автомобиль послушно ожидал прибытия рейса авиакомпании United Airlines, который должен был приземлиться буквально через двадцать минут.

За тонированными стёклами Рэйчел Чжан и личный водитель вполголоса обсуждали планы на вечер. В салоне, прямо у встроенного мини-бара, покоился роскошный букет нежно-розовых камелий и бутылка коллекционного виски «Роял Салют». Было очевидно, что подарки выбирались с особым трепетом: среди бутонов красовалась изящная карточка в форме розы. Каждая мелочь была продумана до безупречности.

Фу Байлун сидел на заднем сиденье, нахмутив брови. Вглядываясь в собственное отражение в зеркале заднего вида, он нервно поправил воротник и нетерпеливо повторил:

— Я тебя спрашиваю: у этой рубашки не дурацкий цвет?

Рэйчел на секунду лишилась дара речи от этого ледяного, но полного скрытой тревоги тона. Она наконец внимательно посмотрела на наряд босса. Вместо привычных строгих монокромных сорочек на Фу Байлуне сегодня красовалась изысканная шёлковая рубашка глубокого винного оттенка с едва заметным узором из тёмных роз. Рэйчел готова была поклясться, что видит эту вещь впервые.

Обычно её наниматель избегал броских вещей. Во-первых, это не вязалось с солидным образом хладнокровного бизнес-воротилы, а во-вторых, он сам по себе предпочитал строгие, лаконичные холодные тона. Но сегодня он изменил своим привычкам. Надел этот сложный, безупречно скроенный костюм, да ещё и так откровенно переживал из-за чужого мнения — зрелище для секретаря поистине невиданное.

Было заметно, что этот холодный, вечно уверенный в себе человек приложил колоссальные усилия, готовясь к долгожданной встрече. В его резких чертах, когда он смотрел на проплывающие за стеклом облака, сквозило непривычное волнение. Рэйчел даже испытала мимолётный приступ жалости к своему суровому, но такому наивному в любовных делах боссу, а потому поспешила заверить его самым ободряющим тоном:

— Вовсе нет, господин Фу. Вы выглядите безупречно. К тому же господин Чэнь знает вас столько лет, он вряд ли станет приглядываться к таким мелочам. Я только что проверила статус рейса: самолёт приземлится точно по расписанию. Ещё несколько минут, и он будет здесь.

Её слова не были пустой лестью. Босс обладал великолепной внешностью и баснословным богатством. Если закрыть глаза на его скверный и неуживчивый характер, он оставался лакомым кусочком на ярмарке невест, настоящим принцем из сказки. Да такому мужчине достаточно выйти на улицу в рваных трениках и тапочках, чтобы толпы поклонников выстроились в очередь. С чего бы вдруг ему, столь неотразимому и тщательно подготовившемуся, не суметь покорить какого-то учёного?

Сам «принц», слишком долго ждавший этого дня, лишь неопределённо хмыкнул на её заверения. Спустя пару секунд он недовольно скрестил руки на груди и проворчал:

— В том-то и беда, что слишком пунктуально. Почему они не могли прилететь пораньше?

Подобные детские капризы от взрослого мужчины заставили Рэйчел подавить смешок. Ей стоило немалых усилий сохранить серьёзное лицо — гнев босса шуток не прощал.

После этого короткого обмена репликами Фу Байлун бросил взгляд на часы и понял, что больше не может усидеть на месте. Он кивнул Рэйчел, та поспешно вышла наружу и распахнула перед ним дверцу. Байлун аккуратно взял букет и соизволил покинуть прохладу салона. Едва его начищенные до зеркального блеска туфли коснулись асфальта, он привычным движением разгладил невидимые складки на пиджаке. Чуть помедлив, он обернулся к секретарю:

— Ждите меня здесь. Я встречу его сам.

— Но господин Фу, вы хотя бы знаете, где находится зал прибытия? — поинтересовалась секретарь, уже готовая сопровождать его.

— Разберусь на месте. Оставайтесь здесь.

Раз уж босс принял решение, Рэйчел не решилась спорить, хотя на душе у неё было беспокойно. Она проводила его взглядом, после чего быстро набрала номер старшего группы охраны из сопровождающей машины и командовала оставаться на парковке, не привлекая внимания.

Тем временем Фу Байлун, впервые в жизни снизошедший до того, чтобы лично встретить кого-то в аэропорту, мерным шагом шёл по просторному вестибюлю первого этажа. Над его головой на огромных тёмно-синих табло непрерывно сменялись строчки рейсов со всего мира — буквенные коды на китайском и английском мерцали, извещая о прибытии самолётов из Европы и Америки. Где-то среди них летел и Чэнь Чжэнь.

Мягкий женский голос из динамиков монотонно вещал о погоде в Лунцзяне, советуя прилетающим одеваться теплее. Байлун бегло окинул взглядом светящиеся строчки табло и почти сразу выхватил глазами нужную: рейс DT78 из Лос-Анджелеса, прибытие ровно в 12:00. На его часах было одиннадцать пятьдесят. Десяти минут должно было с лихвой хватить, чтобы подняться на нужный ярус и найти выход из зоны прилёта.

Сжимая в руке букет, Фу Байлун, выделявшийся в толпе высоким ростом и благородной осанкой, двинулся к эскалаторам. Стоит признать, он терпеть не мог лифты и замкнутые пространства. Последствия пережитой в детстве авиакатастрофы давали о себе знать до сих пор: глухой страх перед высотой и тесными кабинами укоренился в его подсознании слишком глубоко. И пусть сейчас он мог без колебаний пилотировать боевого меха «Дракон» в глухой ночной тьме, не испытывая страха перед небесной бездной, в узких замкнутых пространствах его по-прежнему душили фантомные запахи гари и керосина.

Обычно Рэйчел Чжан брала все организационные моменты на себя, избавляя его от необходимости заходить в лифты, но сегодня он оставался наедине со своими демонами. Перед глазами мгновенно всплыли картины из кошмаров: ужас стремительного падения, тошнотворная невесомость и резкий, едкий запах пролитого авиационного топлива. Сам он не находился на борту того обречённого лайнера, но долгие годы его сознание безжалостно воспроизводило подробности той катастрофы в кошмарных снах.

* «Байлун, не бойся. Вот вырасту, выучусь на учёного и построю для тебя самый лучший космический корабль. Ты сможешь подняться к самым звёздам, увидеть всю вселенную и больше никогда не будешь бояться высоты. Потому что этот корабль построю я. Специально для тебя одного»*

В памяти снова ожил чистый голос юного Чэнь Чжэня. Эти слова, когда-то спасшие его от безумия, мгновенно утихомирили поднявшуюся в груди бурю. Тревога отступила, оставив лишь непреодолимое, горячее желание поскорее обнять того, кто наконец-то возвращался домой.

И надо же было такому случиться, что в огромном современном терминале, где эскалаторы должны быть на каждом шагу, Байлун, совершенно не ориентирующийся в местной планировке, не сумел отыскать ни одного указателя. Его внутренний перфекционист тут же взбунтовался, заставив мужчину застыть посреди коридора с недовольно нахмуренными бровями.

Расспрашивать дорогу у спящих мимо сотрудников аэропорта или, упаси бог, у случайных прохожих не позволяла гордость. Немного поколебавшись, он решительно направился к дверям панорамного стеклянного лифта — единственному очевидному способу подняться наверх.

С его точки зрения, отсутствие эскалаторов в международном терминале свидетельствовало о вопиющей некомпетентности руководства аэропорта, но выбирать не приходилось. Поморщившись от мысли, что день явно не задался, Фу Байлун всерьёз вознамерился дать поручение Рэйчел выделить в следующем месяце средства на модернизацию этого транспортного узла. С этими мыслями он шагнул в кабину.

В нос тут же ударил ледяной воздух из кондиционера, смешанный со стойким амбре чужого пота — наследие толпы предыдущих пассажиров. Брезгливость Байлуна мгновенно взвилась на дыбы. Ощущая, как по коже пробежали неприятные мурашки, он торопливо протянул руку к панели управления, желая как можно быстрее закрыть двери и остаться в одиночестве.

Однако избалованный эксклюзивным обслуживанием молодой господин Фу позабыл одну простую истину: в переполненном аэропорту лифты редко ездят пустыми. Едва створки начали сходиться, как снаружи раздался истошный вопль:

— Стойте! Подержите двери! Опаздываю, у меня там любимый братишка прилетает!

В образовавшуюся щель по-варварски вклинилась волосатая рука, украшенная массивными золотыми часами, а следом за ней застряла огромная розовая голова плюшевого медведя.

С утробным звуком «бум!» гигантская туша розового монстра влетела в кабину и со всего размаху обрушилась на ничего не подозревающего Фу Байлуна. Лифт жалобно пискнул, створки разъехались обратно, заблокировав кабину на первом этаже.

Тщательно отобранные камелии брызнули в стороны оборванными лепестками. Не успев среагировать, Байлун запутался в лапах этого плюшевого недоразумения и полетел на пол. Такого позора его безупречная жизнь ещё не знала: прижимая к себе невесту откуда взявшегося гигантского зверя, он крайне неэстетично растянулся навзничь. Спина отозвалась глухим, болезненным ударом об обшивку. Лишь благодаря отличной физической подготовке он уберёгся от перелома позвоночника под весом налетевшей лавины.

Лицо Фу Байлуна исказила гримаса ярости. Пытаясь сохранить остатки достоинства, он опёрся ладонью о пол, собираясь подняться, но в этот момент шкура розового медведя зашевелилась. Из её недр, отчаянно барахтаясь, наружу выбрался парень. На нём была нелепая аляповатая футболка с рекламой и широкие пляжные шорты — типичный прикид мелкого уличного жулика.

Кое-как встав на ноги, этот «джентльмен удачи» устоял на распластанного под ним Байлуна. Затем его глаза испуганно округлились. Словно невинная девица, подвергшаяся нападению, он испуганно забился в угол кабины, обхватил себя руками за плечи и заорал на весь аэропорт:

— Твою ж мать! Братан, виноват! Слышь, прости грешного, а?! Зуб даю, перед Богом и партией клянусь — чистая случайность! Я тебя пальцем не трогал, это не домогательство, честное пионерское!